УДК 322:348.71

ИСАЕВ А.В.

Проблемы и пути оптимизации вероисповедной политики Российского государства: политико-правовой аспект

С политико-правовых позиций автор рассматривает проблемы и пути оптимизации вероисповедной политики на федеральном и региональном уровнях. Делается вывод о том, что повышение эффективности вероисповедной политики связано с развитием законодательства в религиозной сфере, партнерства государства и религиозных объединений, а также кластерных технологий, позволяющих синергизировать различные ресурсы участников государственно-конфессионального взаимодействия.

Ключевые слова: вероисповедная политика, религиозная ситуация, партнерство, кластерная технология.

Актуальные проблемы и основные направления политики российского государства применительно к различным сферам жизнедеятельности общества привлекают все большее внимание представителей экспертного и академического сообщества.

Так, например, определенный интерес проявляется к практике проведения политики в религиозной сфере, что обусловлено поиском оптимальной для Российской Федерации модели взаимоотношений государства и религиозных объединений, обеспечивающей как реализацию конституционного принципа свободы совести и вероисповедания, так и развитие толерантных межконфессиональных и этнонациональных отношений.

Значимость данного вопроса также связана с рядом проблем теоретического и практического характера. Во-первых, исследователи справедливо отмечают отсутствие в науке общепризнанных понятий государственно-конфессиональных отношений (далее – ГКО) и вероисповедной политики.

По нашему мнению, это связано с тем, что за основу анализа подобных дефиниций берутся различные аспекты: организационно-административный, правовой, социально-политический, культурологический, социологический, цивилизационный, культурно-политический, естественно-антропологический. Указанное влечет за собой определенную терминологическую неопределенность. Систематизируя данные подходы, мы приходим к выводу, что государственно-конфессиональные отношения – это взаимодействие государства и религиозных объединений в целях реализации своих интересов и стратегий, проявляющееся в различных формах: партнерство, сотрудничество, диалог, индифферентность, господство и подчинение, соперничество, конфронтация, конфликт.

При этом важным фактором и инструментом организации, функционирования и управления ГКО выступает вероисповедная политика государства, представляющая собой единую, целенаправленную, скоординированную деятельность органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ, а также органов местного самоуправления по оптимизации механизма правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в целях достижения их

упорядоченности, урегулирования конфликтов, а также обеспечения прав и свобод человека и гражданина в рамках норм международного права и существующего федерального, регионального законодательства, муниципальных правовых актов.

Исходя из авторской интерпретации вероисповедной политики, ее *целями* будут являться оптимизация механизма правового регулирования государственно-конфессиональных отношений, а также обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Достижению указанных целей будет способствовать решение комплекса *задач*, в числе которых:

· учет интересов верующих и неверующих граждан, государства, религиозных объединений и этнических общностей. Это позволит обеспечить полноту реализации конституционных прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания;

· укрепление духовно-нравственных ценностей общества (и в первую очередь – молодежи) путем реализации позитивного социально-нравственного потенциала различных форм мировоззрения, в том числе религиозного, сохранение самобытности культурно-национальных традиций народов России;

· обеспечение на уровне государства, общества и личности духовной безопасности, противодействие пропаганде культа насилия и моральных норм, противоречащих нравственным ценностям (например, однополые браки);

· приведение в соответствие федерального и регионального законодательства нормам международного права.

Во-вторых, положения Конституции Российской Федерации (1993 г.) в качестве правовой основы вероисповедной политики определили светскость Российского государства (статья 14), закрепили принципы свободы совести (статья 28).

Свобода вероисповедания также стала одной из основных демократических ценностей. Это сказалось на религиозной идентификации россиян. Так, согласно социологическим исследованиям, в 2012 году православными[1] себя считали 77% респондентов (в 2005 – 72%), приверженцами ислама – 6% (7%), неверующими – 7% (13%), колеблющихся между верой и неверием было 4% (4%)[2].

Однако увеличение числа религиозных организаций и новых религиозных течений (на 1 января 2011 года было зарегистрировано 23 848, на 1 января 2013 года – 25 541 религиозных объединения)[3], возникающие между ними конфликты за влияние, а также проявления религиозного экстремизма и дискриминации религиозных чувств (дело Pussy Riot, фильм "Невинность мусульман") поставили перед органами государственной власти и местного самоуправления ряд задач, направленных на снижение подобных рисков. В этой связи государство стало рассматривать религиозные объединения как представителей гражданского общества и партнеров в сфере укрепления межконфессионального и межнационального согласия, делегировав им ряд своих функций (духовно-нравственное просвещение, социальная защита населения). Подобные взаимодействия позволили ряду конфессий (например, православие, ислам) позиционировать себя не только с социокультурной стороны, но и стать "условно-определенными" акторами политического процесса, что вызвало неоднозначную реакцию со стороны экспертного и научного сообщества.

Так, ссылаясь на нарушения статьи 14 Конституции России, ряд исследователей (например, Ж.Т. Тощенко, К.И. Колесникова) пришли к выводу, что рост политической активности религиозных организаций приводит к клерикализации и теократизации государственной и общественной жизни[4] и, как следствие, – нарушению свободы совести и вероисповедания. Развитие подобных процессов может служить использованию религии в качестве элемента социальных технологий манипулирования массовым сознанием. Причем в современных реалиях эта проблема актуальна для тех регионов, где религиозность, воплощаясь в форме фанатизма, ведет к нетерпимости и насилию, порождающему такое явление, как терроризм[5], в том числе и религиозный (Афганистан, Иран, Ливия, Сирия).

Другие ученые (М.М. Мчедлова) указывают на то, что в настоящее время происходит инверсия политики и неполитических

сфер общества. При этом новыми ракурсами взаимоотношения религии, общества и политики становятся стратегия "мягкой силы", идентификационная характеристика, проекция общественной солидарности[6].

С нашей точки зрения, и одни, и другие приводят обоснованные доводы, что обусловливает необходимость более сдержанной и взвешенной оценки указанных процессов.

В-третьих, модернизация общественно-политической жизни России в 90-е годы XX – начале XXI веке породила определенные трудности в осуществлении вероисповедной политики как на территории всей страны, так и в отдельно взятом субъекте. С теоретико-практической точки зрения среди основных проблем можно выделить следующие.

1. Слабая законодательная база, не соответствующая потребностям динамично развивающейся практики ГКО; отсутствие концепции вероисповедной политики. Действующий Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" 1997 года содержит ряд внутренних противоречий, которые позволяют произвольно толковать его отдельные статьи.

2. Неопределенность ценностно-целевых установок вероисповедной политики. По мнению эксперта Л.А. Февралевой, это связано с тем, что "... ни в обществе, ни в сфере политического истеблишмента не сложилось единого представления о месте и роли религии в общественном развитии. Если одна сторона – приверженцы конституционных норм в сфере свободы совести – пытается сохранить в стране либерально-демократическое отношение к религии, то другая – приверженцы возвращения к национально-культурным традициям – стремится выстроить идеологию государственного развития на базе традиционных религиозных ценностей"[7].

3. Отсутствие системности в действиях органов власти различного уровня, размывание контрольно-распорядительных функций государства над процессами, происходящими в религиозной сфере (отсутствие горизонтальных и вертикальных связей между разнопрофильными и однопрофильными структурами, осуществляющими взаимодействие с религиозными объединениями).

4. Отсутствие четкой программы в решении этноконфессиональных вопросов, совпадение этнонациональной и конфессиональной принадлежности (например, татарин – мусульманин, русский – христианин) делают возможным слияние национализма и религий. В подобной ситуации борьба против религии воспринимается как ущемление национальных прав, оскорбление национальных чувств, как акт покушения на религиозные устои. Неудовлетворенность в национальных устремлениях народов Поволжья и Северного Кавказа приводит к обострению религиозных чувств[8].

Таким образом, современные характеристики социально-политического пространства свидетельствуют о необходимости выработки и реализации единой, сбалансированной и адаптированной к региональным условиям вероисповедной политики.

В этой связи неотложной тактической задачей по оптимизации такой политики в субъектах Российской Федерации может служить анализ религиозной ситуации, включающий в себя локализованную во времени и пространстве оценку состояния религиозности, а также внутренних и внешних факторов[9].

Взаимообусловленность вероисповедной политики и религиозной ситуации проявляется в качественной оценке последней (спокойная, напряженная, стабильная), а также складывающихся государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, уровня доверия населения государственным и религиозным деятелям.

Анализируя религиозную ситуацию в Центральном федеральном округе, мы обращаемся к опыту Орловской и Курской областей. Так, Орловская область – это мононациональный регион, где, согласно переписи населения 2010 года, 96% населения составляют русские. Исследования, проведенные в 1999–2002 годах, установили, что православными верующими себя считали 44,1% жителей Орловского региона, атеистами – 4,1%, безразлично относились к религии 34,7%, к другим вероисповеданиям себя отнесли 17,1%[10]. Опрос 2013 года показал, что 88% респондентов причислили себя к православному вероисповеданию, никакого вероисповедания не придерживались 10%, 1% жителей отнес себя к приверженцами ислама и 1% – к иным вероисповеданиям[11].

Высокий процент православных верующих связан с особым духовным, культурным и историческим значением Орловско-Ливенской епархии РПЦ в жизни региона. Причем за последнее десятилетие численность православных приходов увеличилась с 95 в 2002 году до 150 в 2013-м. Всего по состоянию на 29 мая 2013 года в Орловской области было зарегистрировано 187 религиозных организаций[12].

Также жители Орловской области (42%) считают, что сегодня местные религиозные организации имеют возможность открытого диалога и построения партнерских отношений с органами власти всех уровней, они участвуют в научной дискуссии по вопросам духовно-нравственного состояния общества. Среди факторов, блокирующих данный потенциал, респонденты указали: неразработанный механизм согласования инициатив (17%), отсутствие совместного опыта работы государственных и религиозных деятелей (36%), непоследовательность административных реформ (20%), дефицит нормативно-правовой базы (18%). Оценивая реальный потенциал РПЦ (в том числе и политический), 40% ответили, что Православная Церковь является значимым институтом гражданского общества в России, 29% указали на то, что Церковь стремится к оформлению "симфонии" Церкви и государства. При этом за активную роль конфессий в общественно-политической жизни общества высказались 25% респондентов, 44% указали на то, что их деятельность должна быть направлена на удовлетворение религиозных потребностей верующих[13].

Вместе с тем в 2010 году в Орловской области служителям РПЦ доверяли 47% респондентов и не доверяли – 12%, при этом 24% доверяли и не доверяли в равной мере. 31% доверяли Губернатору и Правительству области, около 60% доверяли и не доверяли в равной мере. В 2013 году уровень доверия снизился как в отношении представителей Русской Православной Церкви (полностью религиозная организация вызывает доверие у 23,3% респондентов), так и высших органов власти (например, Губернатору полностью доверяют всего лишь 3,5%, скорее доверяют – 44,3%). Результаты исследования также показали, что при возникновении проблем респонденты пытаются их решить в первую очередь самостоятельно (41,9%), обращаются за помощью к близкому человеку (36,9%) и лишь 15,4% населения обращаются к Богу и идут в церковь. При этом статистические данные подтверждают общероссийские тенденции: за помощью религии и религиозных организаций чаще обращаются женщины (31,3%), чем мужчины (17,4%), а за помощью государственных органов – как мужчины, так и женщины (по 1,2%).

Вышесказанное должно привлечь внимание как представителей региональных органов власти, так и руководителей религиозных организаций.

Как и Орловскую, Курскую область также можно отнести к "православному" региону[14], где в настоящее время зарегистрировано 329 религиозных организаций, 284 из которых принадлежат РПЦ Московского Патриархата. В процентном соотношении к общей численности населения православные составляют 90%, мусульмане – 0,6%, остальные конфессии насчитывают не более 0,5% последователей[15].

Анализ практики государственно-конфессионального взаимодействия показал, что органами государственной власти региона в первую очередь уделяется внимание отношениям с Русской Православной Церковью (между ними заключено 74% всех договоров). Кроме того, с 1996 по 2005 год в Курской области были реализованы программы изучения православной культуры, с 2006 по 2010 год – программа духовно-нравственного и патриотического воспитания, опыт реализации которых показал их жизненность и востребованность в школах и других образовательных учреждениях. Вследствие этого в 2010 году была принята областная целевая программа "Воспитание детей и молодежи Курской области на 2010–2015 годы". В Орловской области в настоящее время действует областная государственная программа "Молодежь Орловщины на 2013–2020 годы".

Таким образом, можно констатировать, что особая, наиболее соответствующая гражданскому обществу и ориентированная на региональную специфику система диалога религиозных институтов и

органов власти, высокий процент православных верующих способствуют развитию спокойной религиозной ситуации и обеспечению духовной безопасности. Отчасти этому способствует уровень доверия населения представителям органов власти и религиозных организаций. При всем этом информация о планируемом строительстве в г. Орле самой большой в Центральном федеральном округе мечети вызвала негативную реакцию подавляющего большинства жителей Орловской области.

Наряду с учетом религиозной ситуации обеспечению процесса выработки и реализации единой вероисповедной политики будет способствовать кластерная технология, позволяющая объединить, "синергизировать" интеллектуальные, информационные, организационно-технологические ресурсы органов государственной власти и местного самоуправления, организаций социальной сферы, научно-исследовательских, образовательных учреждений (данный подход расширяет концепцию межсекторного социального партнерства, предложенную В.Н. Якимцем, когда конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем обеспечивает синергетический эффект от "сложения" разных ресурсов и "выгодное" каждой из сторон и населению").

При этом снижению коммуникативных рисков будет способствовать разработка моделей взаимодействия власти и религии. Одной из таких моделей может стать фактически складывающаяся, но законодательно не закрепленная модель партнерства органов государственной власти с религиозными организациями.

Учитывая, что в ходе своего развития партнерские отношения могут пройти различные этапы[16], можно выделить несколько схем (жизненных циклов) развития партнерских государственно-конфессиональных отношений (в том числе и на региональном уровне) (рисунки 1, 2) (авторская разработка).

Основываясь на выводах доктора социологических наук А.Ю. Ховрина[17], можно утверждать, что партнерство региональных органов власти и религиозных объединений позволит им выполнять ряд совместных функций, а именно: интегративно-регулятивную, консенсусную (согласительно-примиренческую), партисипативную (социально-управленческую), эволюционную (проективно-развивающую), инклюзивно-коммуникативную. При этом следует учитывать возможные дисфункциональные последствия анализируемого партнерства:

1) объединение взаимодействующих сторон на основе узкоэгоистических интересов, не учитывающих или противоречащих интересам граждан и других акторов;

2) влияние лиц, не являющихся субъектами партнерства;

3) использование партнерства для манипулирования индивидуальным или массовым сознанием.

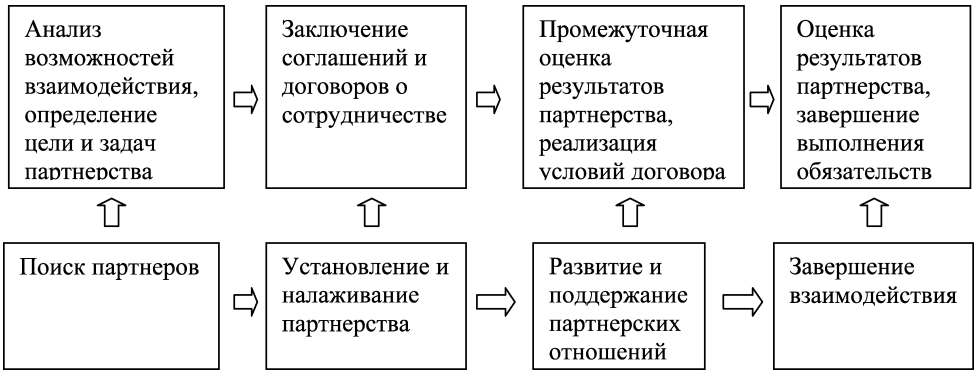

Рис. 1. Жизненный цикл развития партнерских отношений региональных органов власти и религиозных объединений (вариант А)

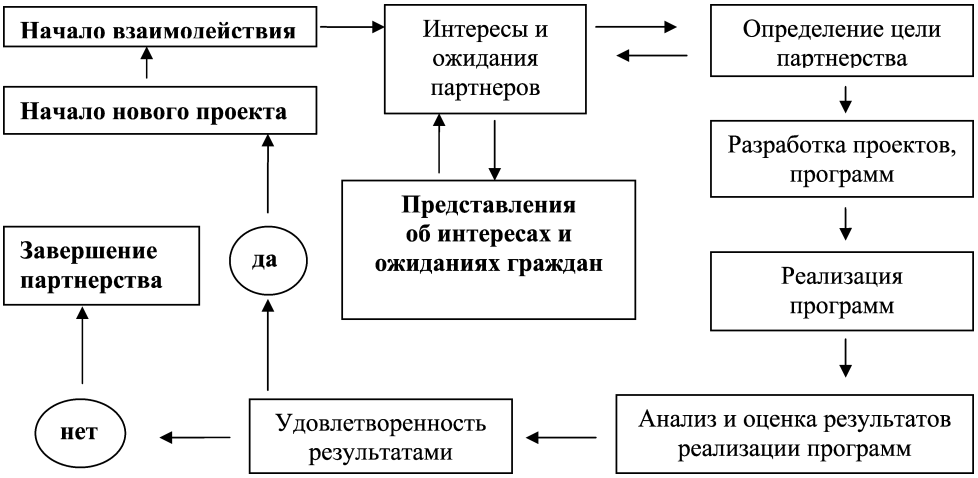

Рис. 2. Жизненный цикл развития партнерских отношений региональных органов власти и религиозных объединений (вариант Б)

Вместе с тем следует подчеркнуть, что синергетический потенциал партнерства превышает его возможные негативные проявления в процессе функционирования общества. Это обусловлено симметрией взаимодействия сторон, что существенно снижает деструктивные проявления.

Для того, чтобы данное партнерство было эффективным и успешно решало поставленные задачи, оно должно базироваться на следующих принципах:

· общая заинтересованность партнеров в плодотворном сотрудничестве, взаимное признание стратегического характера отношений, поиск реалистических решений социальных задач, а не имитация такого поиска;

· готовность учитывать интересы другой стороны и общества в целом, идти на компромиссы для достижения стратегических целей, информационная открытость;

· взаимный отказ от дискриминационных (ультимативных) действий относительно друг друга, взаимоприемлемый контроль;

· долгосрочный характер партнерских отношений;

· правовое закрепление содержания и механизмов партнерства в двусторонних документах, так как стратегические цели сотрудничества не должны меняться в зависимости от смены руководства;

· последовательность и прогнозированность действий, выполнение партнерами своих обязательств.

Интерпретируя выводы В.Н. Кузнецова[18], можно рассматривать партнерство как оформленную долгосрочную программу: достижения и корректировки как общих согласованных целей, ценностей, интересов каждого партнера, так и сопоставимой с выработанной Программой оценки средств, ресурсов и легитимных технологий, необходимых для достижения общих целей; анализа и учета стратегических рисков на всех этапах функционирования партнерства; осуществления самокритики в оценке достигнутых результатов; обеспечения эффективной адаптации всех звеньев процесса партнерства с учетом изменений внутренней и внешней среды деятельности всех участников партнерства.

Таким образом, развитие партнерских отношений государства, религиозных объединений и других субъектов гражданского общества является актуальной задачей. Определение перспектив развития таких отношений должно быть реализовано в логичной структурной последовательности, вырабатывающей целостную систему взглядов на проблемы государственно-конфессиональных взаимоотношений.

Основными мерами по оптимизации вероисповедной политики как на федеральном, так и региональном уровнях могут служить:

1. Пересмотр функциональной нагрузки государства в целом, органов государственной власти, местного самоуправления и религиозных объединений, парадигмы их взаимоотношений с учетом современных социально-политических процессов. Последнему будет способствовать переход от традиций к новациям. Так, имеющаяся "традиция" во взаимоотношениях государства и религиозных объединений порождает их (взаимоотношений) определенные "стереотипы". Процесс исторического развития предопределяет появление "инновационных" форм государственно-конфессиональных отношений, что влечет за собой появление "новаций" – новой парадигмы. Следует отметить, что "движение" возможно и в обратном порядке: "новация – инновация – стереотип – традиция".

2. Совершенствование нормативно-правовой базы вероисповедной политики на основе принятия соответствующей концепции или стратегии, федерального и соответствующих ему региональных законов "О взаимодействии (партнерстве) государства и религиозных организаций в социальной сфере".

3. Невмешательство религиозных объединений в политическую сферу. Так, большинство населения страны видит идеальную модель отношений государства и религиозных организаций в их взаимодействии лишь в социальной сфере. В частности, основными сферами государственно-конфессионального взаимодействия должны быть мораль/ нравственность (36,9%); благотворительность (26,1%); реабилитация людей, попавших в трудную жизненную ситуацию (24,4%); культура (17%) и т.д.[19].

4. Адаптация системы управления религиозной сферой региона к применению кластерной технологии по средствам выполнения решений и действий, объединенных в несколько блоков:

– исследовательский, включающий процедуры научно-методологического и интеллектуального сопровождения внедрения кластерной технологии;

– кадровый, в рамках которого решения и действия направлены на повышение профессионального уровня и социально-технологической культуры управленческого звена, их мотивацию, развитие горизонтальной мобильности кадров;

– организационно-правовой, предполагающий создание кластера, координационных центров и нормативного закрепления их правового статуса;

– информационно-коммуникационный, предусматривающий осуществление мониторинга результативности применения технологии и налаживание обмена информацией между участниками кластеров на основе межорганизационных информационно-аналитических систем[20].

5. Артикуляция религиозного фактора политического планирования, учитывающего стратегический и оперативный уровни. Первый из них предполагает увязывание страны на долгосрочную перспективу с фундаментальными духовно-нравственными ценностями и цивилизационной идентичностью России. Оперативный – создание соответствующей материальной, правовой и образовательной инфраструктуры для реализации потенций религиозной традиции в развитии общества[21] (кластера).

6. Создание информационно-аналитических центров, обеспечивающих: анализ и прогнозирование конфликтных ситуаций в сфере государственно-конфессиональных, межконфессиональных и межнациональных отношений; изучение миссионерской деятельности религиозных организаций в регионе; разработку и координацию проектов, направленных как на противодействие религиозному экстремизму, терроризму, так и на социализацию религиозных, этнических сообществ, прогнозирование тенденций состояний религиозно-духовного пространства, формирование общероссийской гражданской идентичности; оценку удовлетворенности представителями религиозных объединений качеством предоставления государственных услуг в рамках административных регламентов; разработку федеральных и региональных целевых программ (например, "Этнокультурный туризм", "Миротворческий и социокультурный потенциал религий России в регионах Российской Федерации").

7. Активное проведение публичных "круглых столов", конференций, встреч, что будет способствовать учету мнений и предложений каждой из сторон, содействию

развитию культуры партнерства, преодолению существующего субъективизма, формализма во взаимоотношениях. Следует совершенствовать такие формы сотрудничества государства и религиозных объединений, как участие в деятельности общественных палат, комиссий, иных консультативных структур при исполнительных органах государственной власти. Результативным шагом в совершенствовании партнерства сторон могла бы стать проработка на теоретическом и методическом уровнях процедуры общественной экспертизы.

8. Использование органами власти технологий связей с общественностью в сфере государственно-конфессиональных отношений.

9. Обучение квалифицированными специалистами представителей общественного и государственного секторов специфике этноконфессиональных и межконфессиональных процессов. Необходимо акцентировать внимание на активных и интерактивных технологиях обучения (деловые игры, кейсы).

10. В статью 16 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" необходимо внести дополнения в порядок проведения публичных богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, включая молитвенные и религиозные собрания, вне культовых зданий и сооружений, а также вне специально отведенных или предоставленных для этого мест, так как не все они требуют от органов публичной власти принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности как самих участников публичного религиозного мероприятия, так и других граждан[22].

11. Определить и утвердить перечень видов имущества богослужебного назначения, на которое не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов.

12. Внести изменения в название статьи 148 Уголовного кодекса РФ, расширив толкование нормы до свободы совести и вероисповедания (в настоящее время в статье отражен смысл только свободы вероисповедания).

Таким образом, проблемы, возникающие в ходе формирования вероисповедной политики, определяются двумя уровнями государственно-конфессиональных отношений – общероссийским и региональным. Они (проблемы) обусловлены законодательными, политическими, экономическими, социокультурными особенностями конфессионального развития России, неизбежно транслируются на ситуацию в субъектах Российской Федерации. В свою очередь, некоторые региональные проблемы данного взаимодействия напрямую затрагивают национальные интересы России. Повышение эффективности вероисповедной политики связано с развитием законодательства в религиозной сфере, кластерных технологий и взаимодополняющего партнерства, область которых сосредоточена на разработке программ по противодействию религиозного экстремизма, коррупции, по развитию духовно-нравственного потенциала молодежи, расширению социальной базы поддержки социально-политического и экономического курса Российского государства. Диалогический и толерантный подходы к решению общегосударственных проблем в сфере государственно-конфессиональных отношений – категорический императив не только выхода из цивилизационного кризиса, но и дальнейшей эволюции российского социума.

---

[1] По мнению экспертов, идентификация себя как православных свидетельствует как о потребности в форме солидарности, основанной на православии, чье воздействие во многом сформировало российскую культурную традицию, так и о вовлечении все большего числа россиян в смыслообразующий с помощью институционализированных конфессиональных институтов социальный и политический контекст.

[2] РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovet/fedorov.pdf (дата обращения: 10.07.2013).

[3] Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. [2013]. URL: // http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/02-13.htm (дата обращения: 23.07.2013).

[4] Колесникова К.И. Государственно-конфессиональные отношения в России: социологический анализ: дис.... канд. социол. наук:

22.00.04. Екатеринбург, 2006. С. 4; Тощенко Ж.Т. Государство как субъект теократии // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 4.

[5] Тюрин Е.А. Теократический фактор в политике: Монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. С. 167.

[6] Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 10–24.

[7] Февралева Л.А. Совершенствование механизма регулирования государственно-церковных отношений на этапе формирования гражданского общества в постсоветской России (на примере Владимирской области) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборн. докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций 2002–2004 гг. М., 2005. С. 173–188.

[8] См.: Керимов Г.М. История вероисповедной политики в России (исламский аспект) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 260–263.

[9] Исаев А.В. Социально-политическое партнерство органов государственной власти и Русской православной церкви в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Орел, 2011. С. 142.

[10] Жосан Г.П., Кокина Л.М. Русская православная церковь в условиях трансформирующегося общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3. С. 66–73.

[11] Опрос проводился в г. Орле и Орловской области в мае 2013 года. N=400.

[12] О деятельности некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Информационный портал Министерства юстиции РФ [сайт]. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (дата обращения: 31.05.2013).

[13] Опрос проводился в мае 2013 года. N=400.

[14] См.: Лункин Р.Н. “Русские” регионы России: степень православности и политические ориентации // Социс. 2008. № 4. С. 27–36.

[15] О деятельности некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Информационный портал Министерства юстиции РФ [сайт]. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (дата обращения: 31.05.2013).

[16] Такими этапами могут быть: оценка ситуации, определение партнеров, построение взаимодействия, планирование, управление, обеспечение ресурсов, реализация, измерение результатов, оценка, корректировка и доработка, создание институциональной основы, продолжение или завершение отношений. См.: Алешин А.В. Развитие партнерских отношений в системе региональной экономики: использование концепции жизненного цикла [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2013. №1 (33) [сайт]. [2012]. URL: // http://region.mcnip.ru (дата обращения: 23.05.2013); Практическое руководство по межсекторному партнерству [Электронный ресурс] // Общественная палата Ульяновской области [сайт]. URL: http://www.opuo.ru/centr-nko/biblioteka-nko/mezhsektornoe vzaimodeystvie/prakticheskoe-rukovodstvo-po-mezhsektornomu (дата обращения: 10.03.2013).

[17] Ховрин А.Ю. Функции социального партнерства и особенности их реализации в сфере государственной молодежной политики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 201–219.

[18] Кузнецов В.Н. Культура партнерства как культура жизни // Безопасность Евразии. 2010. № 2. С. 7–46.

[19] Громова А.В. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в зеркале эмпирической социологии / Пятые Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции 12–13 ноября 2010 года / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. СПб., 2010. С. 693–695.

[20] См.: Шаповал Ж.А. Кластерная технология в управлении социальной сферой региона: автореф. дис.... канд. социол. наук: 22.00.08. Белгород, 2011.

[21] Иванов Е.О. Православный вектор политического планирования в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 208–216.

[22] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2012 г. № 30-П г. Санкт-Петербург “по делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации” // Российская газета. 2012. 19 декабря. № 5965.